

Владимир Рудѣлёв

Рязан(кнй околём

Рязань

Издательство «Итник»

2009

ББК 84(2Рос=Рус)6+83.3(2Рос=Рус)6
Р 83

Руделёв, В.Г.
Р 83 Рязанский окоём: избранные произведения /ред.
И. Красногорская; худож. И. Ситников. – Рязань:
Издатель Ситников, 2009. – 248 с.: ил.

ISBN 978-5-902420-26-2

В сборник вошли прозаические произведения писателя и учёного Владимира Руделёва, которые характеризуют его творческую разносторонность. В них автор предстаёт перед читателем как эссеист, как прозаик, пишущий о своих современниках и людях, живущих в глубокой древности, выступает и в амплу мемуариста, литературоведа и литературного критика. Во всех этих ролях автор интересен и убедителен и обращается к широкому кругу читателей.

ББК 84(2Рос=Рус)6+83.3(2Рос=Рус)6

Издание осуществлено
при финансовой поддержке портала
WWW.HISTORY-RYAZAN.RU
САЙТ ДЛЯ ТЕХ, КТО ЛЮБИТ РОССИЮ

ВНЕСИ СВОЙ ВКЛАД В СОХРАНЕНИЕ РОССИИ

ISBN 978-5-902420-26-2 © Издатель Ситников, 2009
© Руделёв В.Г., текст, 2009
© Ситников И.Н., оформление, 2009

«РЫБАК РЫБАКА ВИДИТ ИЗДАЛКА»

О Владимире Руделёве я узнала в тот далёкий период своей жизни, когда была инженером и работала в Особом конструкторском бюро (ОКБ) с астрономическим названием «Вега». В то время ещё не забылась развернувшаяся в средствах массовой информации дискуссия между «физиками» и «лириками» якобы о противостоянии «технарей» и гуманитариев, об их неспособности понять друг друга из-за профессиональной зашоренности. Дискуссия однако закончилась тем, что «физики» и «лирики» пришли к выводу, сформулированному в песне 30-х годов: «Можно быть очень важным учёным и играть с пионером в лапту». Атмосфера в ОКБ этот вывод подтверждала. Работники его, правда, в лапту не играли, но в затянувшиеся между проектированием приборов паузы вели в лабораториях интеллектуальные разговоры, никак не связанные не только с каким-то конкретным проектированием, но и с приборостроением вообще. Порой в этих беседах принимали участие люди извне – командированные, периодически посещавшие ОКБ.

Однажды под вой вентиляции у заставленных колбами столов обсуждались какое-то произведение Валентина Пикуля и причина популярности автора. Кто-то сказал, что успех его романов обусловлен их темами – интересом читателей к отечественной истории, который не могут удовлетворить профессиональные историки: придавая так называемую наукообразность своим работам, они настолько «засушивают» материал, что неспециалисту его невозможно читать. Собравшиеся, человек пять-шесть с мнением согласились, добавили к историкам старающихся подражать им краеведов и готовы были заключить, что лиризм как таковой вообще исключён из арсенала занимающихся наукой гуманитариев. Вот тут-то с нами, аборигенами «Веги», не согласился командированный из радиоинститута молодой учёный, чрезвычайно похожий на известного уже тогда актёра Леонида Филатова, и рассказал о докторе филологических наук, профессоре Тамбовского педагогического института, чьи научные статьи читал с большим интересом. «Вам бы тоже следовало с ними познакомиться», – посоветовал он, обращаясь ко мне, очевидно, как к хозяйке лаборатории – моих литературных наклонностей он не мог знать. Но прошло лет семь, прежде чем я смогла воспользоваться его советом.

Моя инженерная стезя оборвалась (не по моей воле). Судьба выводила меня на новую, – литературную. В начале 90-х годов я стала редактором отдела краеведения и искусства организованной в конце 1989 года писательской газеты «Рязанское узорочье» и однажды с восторженным изумлением прочитала поступивший в редакцию материал об единоборстве князя тмутараканского Мстислава и касожского богатыря Редеди. Небольшое повествование об очень давнем историческом событии увлекло меня так, как в отрочестве увлекали эпизоды из романов Майна Рида, Вальтера Скотта, Льюиса Стивенсона. Автором же был мой современник, мало того – не мэтр приключенческой литературы, то есть не профессиональный фантазёр высокого класса, а серьёзный учёный, доктор и профессор... тот самый Владимир Руделёв.

Доктор и профессор так увлечённо и азартно писал о поединке, словно был его свидетелем (следил за ним из-за куста баражей – бузины – как военный корреспондент) и едва сдерживал себя, чтобы не принять в нём участия. Я не сумела определить жанра написанного и призвала на помощь редактора отдела прозы Валентина Новикова. Сообща мы решили, что этот материал – эссе, автор же его – талантливый и независимо мыслящий человек. Определение «независимо мыслящий» (кажется, оно писалось слитно) употреблялось тогда в том смысле, что такой человек увлечён своим творчеством настолько, что способен очертя голову выступить против канонов, против догматиков, какое высокое положение они бы ни занимали. Подобные авторы были тогда очень нужны новой газете, особенно писательской. Я написала Руделёву письмо.

С этого маленького послания, текст которого я напрочь забыла, началась наша с Владимиром Георгиевичем большая, многолетняя, эпистолярно-телефонная дружба. Увидеться пока нам не довелось. Он не раз приезжал в Рязань, но то меня в это время не было в городе, то не работал мой телефон...

Тогда же, в 90-м году, пока готовился к публикации материал (назывался он «Иже зареза Редедю предъ пълкы Касожскыми...»), я выяснила, что у Руделёва рязанские корни, что в Рязани прошли его школьные, студенческие и аспирантские годы, что у нас есть общие знакомые. Все они жалели, что Рязань потеряла такого незаурядного человека – крупного учёного, интересного писателя. Некоторые видели в Руделёве прежде всего писателя, хотя сведения о том, что он доктор филологических наук, про-

фессор и заведующий кафедрой русского языка доказывали его неоспоримую принадлежность к миру науки, о писательском же таланте свидетельствовали только публикации в периодической печати. Руделёв не был тогда даже членом Союза писателей. Но «каждому овощу – своё время».

Я до сих пор дружу с Руделёвым-писателем: прозаиком, литературным критиком, литературоведом и поэтом, – но с большим пиететом отношусь к Руделёву-учёному. Читала некоторые его научные работы и разделяю мнение моего бывшего коллеги: они интересны даже инженеру. Мне чрезвычайно приятно было узнать из предисловия кандидата филологических наук С.В. Пискуновой к одной из книг Руделёва «Воспоминание о Чёрной земле», что «мировую известность принесли ему исследования в области русской фонетики, грамматики, семантики, школе В.Г. Руделёв подарил прекрасные учебники по русскому языку...». Лестно сознавать, что этот большой учёный открыл «зелёную улицу» моим произведениям в журнале «Кредо», который выходил в 90-х годах в Тамбове.

Я благодарна писателю Владимиру Руделёву за то, что дал мне рекомендацию для вступления в Союз российских писателей, и за то, что отзывался критическими статьями на понравившиеся ему мои книги (о непонравившихся книгах он деликатно молчал). Рада, что с нашей лёгкой руки, моей и покойного ныне прозаика Валентина Новикова, в Рязани прибавилось почитателей писателя Владимира Руделёва, надеюсь, число их увеличится после выхода этой книги.

Составляя настоящий сборник, я постаралась подобрать такие прозаические произведения писателя, которые бы характеризовали его творческую разносторонность. Именно эта разносторонность определила трёхчастную композицию сборника и многоликость его автора.

В первой части он – исследователь, эссеист. По поводу произведений, вошедших в неё (они публиковались и в «Воспоминании о Чёрной земле») С.В. Пискунова ранее писала:

«Ты спросишь, дорогой читатель, что за источники попали в руки автору, так решительно и дерзко пересмотревшему наши исторические каноны. Эти источники доступны всем, они – наш русский язык, сохранивший те древности, которые не засвидетельствованы ни летописью, ни зарубежными анналами. Нужно, однако, уметь эти источники увидеть и понять. Для этого нужно

быть исследователем: историком и лингвистом. Но ещё больше для этого необходимо быть Поэтом».

Во второй части Руделёв – прозаик, пишущий как о своих современниках, так и о людях, живших в глубокой древности. Тут уже мало быть историком, лингвистом и поэтом – человеком с особым лирическим и романтическим восприятием мира, нужно ещё, как минимум, иметь аналитический склад ума и богатое воображение. Подобным сочетанием качеств писатель располагает редко. Вдобавок к ним хорошо иметь ещё яростную отвагу, чтобы, вооружившись воображением, как ама камнем при погружении в океанские глубины, нырнуть в бездонное безмолвие XI века. Такому прозаику-ныряльщику ещё и дерзкая уверенность нужна, что вынырнет обязательно с жемчужиной.

В третьей части автор выступает в амплу мемуариста, литературоведа и литературного критика. Подбирая для неё материал, я не сразу решилась поместить рецензии на свои книги. Опасалась, что на ум читателя придут пословицы: «Своя рука – владыка», «Рука руку моет...» и тому подобные. Потом вспомнила не менее распространённую поговорку: «Рыбак рыбака видит издалека» – и всё-таки поместила. В рецензиях читатель найдёт не только, возможно, завышенную оценку моей работы, но и главное – поймёт, что критик Руделёв, уж совершенно точно, не имеет комплекса Сальери, присущего многим писателям.

И в завершение замечу: готовили сборник к тиражированию люди, знакомые с литературными произведениями Владимира Руделёва, которым импонирует его творческая смелость.

Ирина Красногорская

Ча(ть 1

Чёрная Земля

«Чёрная Земля»

1

Не хочу быть чёрной крестьянкой...

А. Пушкин

Мы привыкли верить только записям – лучше всего с вислыми печатями, – архивным строкам, показаниям очевидцев и совершенно не вникаем в свидетельства такого великого архива, который именуется словом «язык». Как же мы себя обкрадываем!

В 50-е годы я много путешествовал по разным областям, изучая народные русские говоры, и с особым удовольствием описывал речь чёрных крестьян. Я тогда только и узнал, что такое «чёрные крестьяне». Оказалось, что это люди, платившие подати царю и не знавшие крепостной зависимости. Вот и пушкинская Старуха относилась к чёрному («черносошному») народу. Она была не просто крестьянкой, а «чёрной крестьянкой», т. е. жила свободно и занималась, чем хотела, а не тем, чем барин приказывал.

Мне советовала изучать быт и язык чёрных крестьян жившая в Рязани Наталья Ивановна Лебедева, талантливый русский этнограф, мудрая и тихая женщина, испытавшая в этой жизни немало лиха. Её давно уже нет, а её рассказы о чёрных крестьянах до сих пор звучат в моей памяти.

Оказывается, термин «чёрные крестьяне» («христиане») не сразу получил социальное значение. Первоначально он был понятием более географическим, нежели социальным. Наши славянские предки называли «Чёрной землей» всё, что было по левую (северную или восточную) сторону от их реки-кормилицы Днепра. Да, да! Теперь уже, после новаторских работ санкт-петербургского языковеда Д.Г. Демидова, мы можем понять географические странности наших предков: для них что север, что восток – одинаково были «Чёрной землей» и тем же «Севером», а ещё «Окраиной».

Чёрное море, которое, вообще-то было на славянском юге, по отношению к правобережным днепровским славянам («словенам») оказывалось восточным. Вот откуда это «чёрное» назва-

ние! А вода там никогда чёрной не была и, будем надеяться, не будет. Самое интересное, что таким обидным, как сейчас, слово «чёрный» не было. Две «полы» имела наша древняя отчая земля: одна пола – «Белая» («Святая»), т. е. Киевская Русь, другая – «Чёрная», северная («Север»), окраинная («Вятичи», «Голядь», «Рось»), Черниговская. Великий Боян, современник Ярослава Мудрого, Мстислава Тмутараканского и Черниговского и даже мятежного Олега «Гориславича», в своих песнях «свивал славы обе полы своего времени». Но это было уже в новое время, в «лета Ярослава», а ведь до них протекло целых шесть веков Трояньских, когда «Чёрная пола» жила обособленно, имея своё устройство и свои территориальные связи.

Я сказал, что слово «чёрный» не было таким обидным, как сейчас, но в какой-то мере оно всё-таки обижало. Киевская метрополия, конечно, иногда кичилась своим «белым» положением. Леводнепряньских (заднепряньских) жителей называли «косопузыми» – за то, что они завязывали кушаки на боку, и «задрипанными» («заднипряньскими») – за то, что жили не на правом берегу Днепра, а на левом. И вот как летопись (конечно, киевская) повествует о жителях заднепряньских земель:

«И радимичи, и вятичи, и север один обычай имели: жили в лесу, словно всякий зверь, а ели всё нечистое, и срамословие у них перед отцами и перед снохами. Браков у них не бывало, а были игрища между сёлами...».

Поверишь в эту одиозную ахинею, и навсегда потеряешь желание что-либо искать на Левом Приднепровье и Поочье. Так, между прочим и поступают некоторые наши историки, которые начало христианства на Руси связывают с купанием в 988 году в Днепре варяжской дружины Владимира Святого («Красного Солнышка»). Но – язык! Он не даёт покоя. Вот ведь только мы поняли, что «чёрный» – это географический термин, а не социальный или какой-то ещё.

«Чёрными» чёрных могли звать только белые, т. е. Русь. В имени «Русь» отражён корень «рус» со значением «белый», «светлый», «святой»; в этом смысле сложные термины «Белая Русь» и «Святая Русь» – плеоназмы. Сами себя чёрные могли именовать и иначе, и они это делали, именуясь, например, «словенами». Их давние и новые князья были «Славы»: в XI веке – Мстислав Владимирович; в самом начале словенской истории, видимо, в IV веке, – некий Вятко, т. е. Вячеслав, откуда яко-

бы «вятичи». Можно полагать, что арабская «Славия» – это стольный «чёрный» Чернигов. Летописец лишает радимичей и вятичей словенского корня, называет их «ляхами». Но какого рода-племени сами «ляхи»? Может быть, они больше «словене», чем богопокорные поляне киевские?

Теперь уже многим ясно, что Русью были не только словенские племена, но и всякие иные обитатели Праводнепрянского края. Отсюда и странные парадоксы, которые мы долгое время старались замалчивать: то, что финны называют «русскими» («руотси») шведов, а в древнерусских договорах 911 и 944 годов все послы «от рода русского» имеют скандинавские имена. А сколько ещё странных фактов! Многонациональной была Святая Русь, и столь же многонациональной была Чёрная земля. Если на этой земле существовало какое-то единство, то держалось оно на чём-то более крепком, чем национальные корни. И здесь самое время вспомнить о «чёрных христианах».

2

Были вечи Трояни
Слово о полку Игореве

Если какую-то часть родственного населения называют «христианами», значит, те, кто называет, не христиане. Жители Белой земли, называя «косопузых» и «задрипанных» родичей «чёрными христианами», первоначально противопоставляли себя неразумному, с их точки зрения, христианскому миру. Затем «чёрные» украинцы уже оказались как бы, наоборот, за пределами христианства («...не введуще закона Божия, но творяще сами себе закон»).

Как быстро проходят времена и как медленно меняются нравы! И вот мы уже не хотим в наших «чёрных» предках видеть цивилизованных людей, помещая их в отсталый языческий мир и начиная русскую историю с XII, а то и с XIII века. Между тем великий Боян, говоря о Всеславе Брючиславиче, который княжил в Полоцке с 1044 года, поминал – ни много ни мало – шесть веков словенской истории:

«На седьмом веке Трояньем кинул Всеслав жребий о девице себе милой».

«Трояньи века» проходили не где-нибудь, а на Земле Троянней:

«Встала Обида в силах Дажьбожьего внука, вступила девою па землю Троянью...».

Троянья земля и противопоставлена в «Слове о полку Игореве» Русской и слита с нею воедино. Ничего удивительного нет, ведь ещё Боян «свивал славы обе полы своего времени», а в XII веке не делать этого было бы уже большим грехом. И всё же «Троян», «Дажьбог», «Троянья земля», «Троянья тропа», «Трояньи века» – всё это понятия, связанные с Черниговом и Чёрной землёй:

«Черна земля под копытами костьми была посеяна и кровью полита».

Говорят, что в «Слове о полку Игореве» отражена языческая терминология и нет следа православного христианства, но как связать с язычеством имя Дающего Бога («Дажьбога»), которое удивительно созвучно «Господней молитве»: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь»?

Шестивековая «чёрная» история начинается в V веке. Это век бича Божьего Аттилы, который стал королём гуннов в 434 году. А в самом начале V века Иоанн Златоуст, епископ Константинопольский, добился изгнания из столицы Византии готов-ариан (это были давние соседи и враги славян, христиане, которые, однако, не считали Иисуса Христа единосущным Богу Отцу). Чёрная земля («Земля Троянья») тоже была достаточно горячей для вероломных готов. В IV веке по ней пронеслась вихревая конница готов. Готский король Эрманарих в 375 году вступил в сражение с черниговцами, но был разбит и зарезался на виду у своих воинов. Будто бы ему было в ту пору 105 лет.

Страшная гибель готов, их бегство с Днепра для «чёрных» словен могли стать временем народной консолидации, государственности и подъёма культуры. Не исключена возможность, что именно с гуннского периода началась христианская история заднепровской Окраины, столицей которой был Чернигов. Там сосредоточилось северское словенское население, которое дошло до нас с именем «чёрных христиан». В 431 году на Эфесском соборе как ересь было осуждено несторианство – последняя попытка посягнуть на христианскую Троицу, т. е. триединство Бога Отца, Бога Сына и Бога Святого Духа. Если есть какие-нибудь основания видеть в термине «чёрные христиане» живую славянскую

реальность, можно предположить, что чёрные словене были ортодоксальными, православными христианами, для которых «Троян» был лицом, к которому следовало обращаться так, как в ортодоксальном христианстве обращались к Троице: «Пресвятая Троица, помилуй нас...».

Итак, выражение «чёрные христиане» не повисает в воздухе. Оно находит подтверждение в божественной терминологии «Слова о полку Игореве», на основании которой можно выстроить традиционную модель отношений: Бог Отец («Хорс») – Бог Сын («Дажьбог») – Бог Святой Дух («Стрибог») – и её общее имя «Троян» (т. е. Святая Троица).

Чуть позже мы обратимся к имени дьявола («Велеса» или «Волоса»), который на Троянъей («Троиской») земле был по совместительству скотским богом и покровителем поэзии («...вещий Бояне, Велесов внуче...»). А пока что остановимся на том, что уже есть, – на имени «Чёрной земли», которое ей дали сами «чёрные» словене-христиане. В XI веке они уже не отделяли себя от Руси, хотя термин «Белая Русь» для леводнепрянских волостей был некорректен. Для «чёрных» градов и весей сохранялось древнее имя «Земля Троянъя» (или «Троиская земля»), и уж это имя не распространялось на Киев и подвластные ему земли.

3

Ни хытру, ни горазду,
ни пытьцю горазду
суда Божия не минути!
Слово о полку Игореве

Наши рассуждения о раннем христианстве на Чёрной земле могут всё же развалиться, как карточный домик, если они не будут подтверждены хоть каким-то доказательством существования письменности на этой территории (особенно, конечно, у славян!). Археологические раскопки, произведённые почти сто лет назад В.А. Городцовым в селе Алеканове под Рязанью, привели к открытию славянских надписей на погребальных сосудах. Этих надписей, однако, очень мало, и увидеть в них какой-то текст пока что невозможно. Для нас в этой связи становятся необыкновенно ценными некоторые свидетельства славянской

письменности до Кирилла и Мефодия, которые представляет та же языковая память.

Я начну своё рассуждение с поговорки «Ни черта не знает». Даже маститый М. Фасмер, составитель лучшего этимологического словаря русского языка, усмотрел в слове «черт» из этого выражения демоническое и ругательное значение. Между тем слово «черт» в нём означает всего лишь букву! «Ни черта не знает» – значит: не знает ни одной буквы алфавита («аза, так сказать, не видел в глаза!»). Сохранилось свидетельство черноризца Храбра (X век) о том, что славяне до появления у них Кирилловой азбуки для чтения и гадания применяли «черты» и «резы». Насколько высокомерны были рассуждения Храбра о культуре давних грамотеев, можно судить по одной лишь фразе: «погани суще». Мы уже знаем цену подобным уничижающим характеристикам и не очень им верим, тем более что даже без анализа алекановских писем есть возможность представить себе древние «черты». Для этого надо рассмотреть ещё два крылатых выражения: «Очертя голову» и «Слома голову». И то, и другое означает – «отчаянно», «безрассудно». «Бросился в огонь очертя голову» (или «сломя голову») – значит позабыл о страхе за жизнь, не убоился и т. д. Когда мог поступить так русский христианин? Да когда он перекрестился («очертил голову» крестом, т. е. «чертом»), да поклонился («сломя голову»), да ещё горячую молитву прочитал, коли было время... Что ж, значит, русский православный крест был похож на букву «черт». Он, кстати, и назывался «писанным крестом»: «Он и крест кладёт по-писаному, поклон ведёт по-учёному».

Крестообразная буква «черт» была начальной в так называемом «глаголическом» алфавите, якобы изобретённом Константином Философом (Кириллом). Но не только начальная буква («азъ») именовалась в древней славянской азбуке «чертом» – все остальные буквы, имея собственные имена, в дополнение к этому тоже были «чертами» (затем – «азами»). Но, конечно, подлинным «чертом» была только начальная буква, обозначающая звук «а».

Крестообразным «чертом» не только осеняли себя перед каким-то решительным действием, им зачёркивали «намалёванного» Вельзевула («Велеса»), чтобы был не так страшен. В результате – тот же Вельзевул («Велес») стал именоваться «Чёртом», возникло выражение «Не так страшен Чёрт, как его малюют».

«Черты» ставили на погребальных урнах, на щитах, на дверях дома. Но были и книги, писанные чертами.

В 860 году греческий миссионер Константин Философ как-то странно вдруг потянулся на Хазарскую землю. Да, так случилось, что в IX веке на Чёрной земле власть взяли хазары, которые были и христианами, и мусульманами, и иудаистами. К хазарам и пришёл по православным делам Константин Философ. Между прочим самым ярким событием его миссии была беседа в Корсуни (Херсоне) с неким мужем, владевшим священными книгами (Евангелием и Псалтирью), которые были писаны «роськими» буквами. Константину эта беседа пришлась кстати. Видимо, кстати пришлись и корсунские «роськие» книги.

Через очень короткое время славянская азбука («кириллица») и обретенные в Корсуни книги уже оказались в Моравии.

«Вечи Трояни» кое-как теплились при Ярославе Мудром, поскольку его брат Мстислав Владимирович был патриотом Чёрной земли и не нарушал давних обычаев. Но это был всё же сын киевского князя, вчерашний «варяг», а не «северский человек». Крах «чёрным» обычаям, кстати, был нанесён ещё отцом Мстислава Владимиром Святым, который в 988 году поверг все прежние изваяния «богов», в том числе, видимо, и некоторых старохристианских. На смену старому, народному христианству на Чёрную землю шло новое – официальное, греческое. На смену старой азбуке («чертами») шла «кириллица», или, как её называли на Чёрной земле, «чурилица, азбука «чурами». Крест переименовали в «чур». Это был всё тот же «черт», вертикальная часть которого напоминала людям Богу свечу, а горизонтальная, с опущенными плечиками, – кочергу для чёрта. Им отмечали святые («чурлёные») колодцы, щиты (тоже «чурлёные», а не «червлёные»). Если крест, т. е. «черт» изображался плохо, то говорили: «Ни Богу свечка, ни чёрту кочерга». Если удар в поединке был настолько силён, что пробивал «чурлёный» щит, говорили: «Через чур». Осеняя себя крестом, произносили: «Чур меня!» или «Чур не я!». От злых людей открещивались, их «чурались». Если человек умирал и его вместо того чтобы сжечь, как в славные давние времена, закапывали в землю под крестом, говорили: «Окочурился». Деревянный крест («чур») иногда презрительно именовали «чуркой». Так имя Константина Философа (после пострижения в монахи он стал Кириллом) воплотилось в древесном названии.

Уже с конца X века идут памятники славянской письменности на новой «кириллице» (старая «кириллица» в наше время именуется «глаголицей»). В новой «кириллице» (это и есть, по сути, наша нынешняя азбука) не было начальной крестообразной буквы «азъ». Вельзевула («Велеса», «Черта», «Буку», «Анчутку») зачёркивать новым «азом» было бесполезно, а привычка зачёркивать именно буквой («букой») была прочна. Пробовали зачёркивать крестообразной буквой «Х» («хером»), но «похеренный» чёрт был всё-таки страшен. К новой азбуке возникла ненависть. Её изобретатель был назван колдуном («пытцем»), его имя проклинали. А кто же он был, изобретатель современного славянского письма? С разными именами связывают происхождение новой «кириллицы», в том числе – и с именем некоего Горазда. Имя «Горазд», кстати, чисто русское («чёрное»). Оно возникло из готского ругательства «гаразда», которым давние соседи словен называли своих словенских врагов, подчеркивая их немоту и, разумеется, глупость. Словене отвечали готам тем же: слово «немец» не лучше «гаразда»! Но по «черноте», наверное, своей, леводнепряньские словене полюбили готское ругательство, им стали называть людей смышлёных, способных, находчивых. Находившийся в свите Константина и Мефодия Горазд мог быть выходцем из Чёрной земли.

Это был либо тот самый корсунский муж, с которым в 860 году беседовал Константин Философ, либо сын и последователь легендарного корсунца, его преемник. Видимо, он новой азбуки («новой кириллицы») не изобретал, он просто пустил в оборот старую азбуку «резами» («разами»). Имя первой буквы «новой кириллицы» сохранилось, кстати, в современном русском числительном «раз»: первая буква обеих славянских азбук обозначала не только звук «А», но еще и число «1». Следами «новой кириллицы» можно считать и такие поговорки, как «Раз на раз не приходится», «Какая разница?» и т. д.

Как бы то ни было, нововведения Горазда были восприняты, по крайней мере, на Леводнепрянской земле и в первое время, не слишком доброжелательно. Вещий Боян, говоря о хитром князе Всеславе, не уставал употреблять старую-престарую припевку:

Ни хитру, ни горазду,
ни колдуну Горазду
суда Божьего не миновать!

1992

Язычество или христианство?

1

Удивительное это слово – «леший». Мы привыкли его связывать со словом «лес»: леший живёт в лесу, как домовый – дома, а водяной – в воде; леший – это дух леса, сказочное существо, враждебное человеку и т.д.

В действительности всё намного сложнее и интереснее. Первоначально леший не был духом леса, и даже духом не был. Это был не дух, а бог, лунный бог любви Лель. Впрочем, дело любви было для Леля важным, но не единственным: он был покровителем пастухов и поэтов. Но главное всё же для Леля – любовь, брак, соединение любящих сердец и тел. Все магические свадебные тексты сопровождаются упоминанием Леля: «Ай люли, лёли-лёли», «Ай Лель, ладо-ладо», «Ай дид-ладо, лель-лель» и т. д. Конечно, сейчас эти обращения к Лелю таковыми уже не воспринимаются, они объявляются звукоподражаниями, междометиями, но в давние-предавние времена это были самые живые обращения к богу, они облекались в формы звательного падежа, и следы этого падежа сохранены.

Видимо, у славян существовали изваяния бога Леля – «кумиры», от которых до нас дошли имена детских игрушек, кукол – «лёлек», «лялек» и т. п.

От имени древнего бога любви были образованы глаголы со значением «любить», «ласкать» – один из таких глаголов лелеть». «О Донче! – говорит князь Игорь, обращаясь к Донцу-реке. – Не мало ли ти величия, лелеявшу князя на волнах...». Правда, к древнему значению этого слова «любить» прилепилось ещё «качать» (Донец качал князя на волнах, видимо, в лодке). Но здесь нет ничего удивительного. Славянский бог Лель – не только славянский. Это имя прослеживается у хеттов («Лельвани») и шумеров («Энлиль»). О шумерском боге Энлиле рассказывается, что он принудил стать женой своей красавицу Нинлиль, переправляясь через реку в барке, т. е. в лодке. Это лодочное приключение бога Леля так за ним и пошло в песнях и преданиях, и наши славянские праотцы, как чудские, впрочем, и мерянские, милых невест клали под лодки, чтобы их обнаруживали там «чуждии» добрые молодцы «со кудрями, со русыми». Милые девушки («дуни»,

«груни», даже сама правнучка Гостомысла Ольга) нанимались перевозчицами («Перевоз Дуня держала...»), и садившийся в лодку юноша (так было, между прочим, и с киевским Игорем) мог полагать, что его затем и посадили в лодку, чтобы он стал мужем перевозчицы, как когда-то это сделал весёлый бог Лель. Лодка была символом брака – внезапного и в то же время предназначенного, «суженого», «ряженого». Этот символ проходит через всю русскую словесность – от дивной песни «Мы на лодочке катались» до мрачного арцыбашевского «Санина».

В припеве о Леле встречается эпитет «ладо». Нередко он так искажён, что его и узнать невозможно: какое-нибудь «дуладула». «Ладами» называли друг друга возлюбленные, жёны так говорили о мужьях. В «Слове о полку Игореве»: «Уже нам своих милых лад ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима соглядати...». «Ладен» – по-русски – «хорош», «красив», «лад» – «любовь», «союз», «мир», «согласие». Слово это загадочно, многослойно, но в нём угадывается древнеславянское название лодки («олди»), слитое с каким-то иным, созвучным именем, может быть, доиндоевропейским, значит это слово – «любовь», «брак». Но и само название лодки загадочно, несмотря на то, что оно повторяется во многих языках индоевропейской семьи. Что, собственно говоря, имели в виду наши очень давние предки, называя лодку «лодкой» («олди»). Древний корень «-ол-» или «-ел-» значит «свет» (он ещё в слове «олень» и, может быть, в слове «золото»). Вот ведь какой разброс звучаний и значений! Но нас не «золото» сейчас интересует. Нас больше интересует слово «луна», «месяц», «лунный свет». Видимо, сходство ладьи с месяцем, когда он лежит, подняв оба рога вверх, заставило наших предков назвать изящное плавучее сооружение светлолунным именем «олди». И это сооружение было не только первым брачным пространством, оно ещё было миром новорождённого – «колыбелью», «зыбкой», «люлькой»! Когда человек умирал, его тоже помещали в ладью и отправляли в последнее плаванье. Славянское имя смерти «навь» созвучно латинскому обозначению корабля – «навис». Наверное, славяне были всё-таки морским народом, а их постоянно загоняют куда-то в леса да болота. Впрочем, как сказал поэт о своей российской Отчизне: «Разливы рек её, подобные морям...».

Вернёмся, однако, к светлому корню «-ол-» («-ел-»). Почему у славян не осталось имени «Лель» в числе дохристианских язы-

СОДЕРЖАНИЕ

«Рыбак рыбака видит издалека»
(вступительная статья И. Красногорской) 3

Ча(ть 1. Чёрная Земля 7

«Чёрная земля» 8

Язычество или христианство? 17

О весёлой песенке «Калинка-малинка»,

Калине-царе и реке Калке. 27

О внуке Дажьбоже. 30

О тмутараканских курах, каракулях

и богатыре Михаиле Потыке 41

Загадка трёх русских городов. 44

О бусовых детях, крике «ура!» и великом Хорсе. 48

Бежин луг или Нежин? 53

Какими дорогами бежали половцы? 53

О далёкой битве на Нежатиной Ниве,

о станции Нежинской под Оренбургом

и крещёных татарах, дивно глаголящих по-русски 56

Клятва о яйцких рубежах 58

У чурлёного колодца 60

Супырный Сампур 63

Ча(ть 2. Добрыня Рязан(кий 67

Легенды о Добрыне 68

Добрыня и Святослав 153

Исады 159

Ча(ть 3). Други мои	169
Родительский дом на Архиерейке	170
Старый Базар	178
«...И всех учителей моих...»	181
Об учителе и друге	192
«Друзей моих прекрасные черты...»	200
«И насмешливого друга помни хоть чуть-чуть...»	212
О братоубийстве в окском селе Исады, серебряных колтах, найденных археологами, и мудрой ласковской деве Февронии	221
Рязанские святыни	225
Книга – про всё рязанское. И даже – курляндское. И – парижское	227
Загадки и тайны исторического романа	232
Нужно ли в наше время писать об этом прекрасном чувстве?	238

Литературно-художественное издание

Руделёв

Владимир Георгиевич

Рязанский окоём

Избранные произведения

Редактор И. Красногорская

Технический редактор К. Ситников

Художник И. Ситников

Корректор А. Белозёрова

Сдано в набор 04.06.08. Подписано в печать 03.02.09.

Формат 70x100/16. Печ. л. 15,5.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Гарнитура SchoolBookC

Тираж 1000 экз.

Заказ № 53

Издатель Ситников

Регистрационное свидетельство

№ 305623001100073

от 11 января 2005 г.

телю/факс (4912) 32-66-23

e-mail: utro@izdatel-sitnikov.ru

www.izdatel-sitnikov.ru

Отпечатано в ЗАО “Гриф и К”

300062, г. Тула, ул. Октябрьская, д. 81 а